

ЗДЕСЬ
БОЛЬШЕ НЕТ
ПРОЩЕНИЯ

Янина. А

Янина Оришеч

Здесь больше нет прощения

«Автор»

2026

Оришеч Я. Я.

Здесь больше нет прощения / Я. Я. Оришеч — «Автор», 2026

Некоторые тайны должны умереть вместе с теми, кто их хранит. Но что, если смерть — не конец? Две сестры. Две разные судьбы. Одна общая тайна, корни которой уходят глубже, чем они могли себе представить. Одна из них живёт обычной жизнью, не подозревая, насколько хрупок мир, в котором она привыкла существовать. Другая с раннего детства прикована к постели, наблюдая за жизнью, которая проходит мимо неё. Но действительно ли беспомощна та, что не может сделать ни шага? За стенами родного дома скрывается нечто, о чём слишком долго молчали. Старые обиды не исчезают бесследно, чужие грехи оставляют следы, а смерть не всегда освобождает от прошлого. Когда граница между живыми и мёртвыми начинает истончаться, сёстрам предстоит столкнуться с правдой, способной разрушить всё, что они знали друг о друге. Ведь иногда страшнее всего не то, что ждёт нас после смерти. А то, что мы оставляем после себя. И если прощение — последний шанс обрести покой, что останется тем, кому больше некого прощать?

© Оришеч Я. Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	13

Янина Оришеч

Здесь больше нет прощения

Предисловие

Знаете ли вы поговорку: «Человек — единственное животное, которое помнит обиды и ведёт войны»? Мы привыкли считать, что самое страшное в этом мире — смерть. Боимся неизвестности, боимся потерять тех, кого любим, и боимся однажды оказаться по ту сторону, откуда нет дороги назад. Но задумывались ли вы когда-нибудь о том, что происходит после последнего вздоха? Куда уходит душа, когда тело становится лишь пустой оболочкой? Обретает ли она долгожданный покой или продолжает скитаться среди воспоминаний, которые не смогла оставить позади? Что, если загробный мир — не место вечных мук, а тихое убежище для тех, кто слишком устал жить? И что, если даже там невозможно обрести покой, потому что кто-то на земле всё ещё держит на тебя обиду?

Мы привыкли думать, что смерть ставит точку. Что вместе с последним ударом сердца заканчиваются боль, ненависть и сожаления. Что время стирает даже самые глубокие раны, а однажды произнесённое «прости» способно исправить то, что было разрушено. Но что, если это ложь?

Что, если некоторые обиды переживают своих хозяев? Если ненависть оказывается сильнее смерти, а невысказанные слова становятся цепями, которые удерживают душу между двумя мирами? И если однажды граница между живыми и мёртвыми исчезнет, кто первым постучит в вашу дверь?

В этой истории нет случайных встреч. Нет поступков, за которые не придётся заплатить. И нет уверенности в том, что тот, кого вы считали чудовищем, действительно им является. В центре этой истории — две сестры, связанные кровью, детством и тайной, о которой, возможно, не знает даже одна из них.

Одна живёт привычной жизнью, пытаясь найти своё место в мире, который кажется вполне понятным. Другая с раннего детства прикована к постели, отрезана от привычной жизни и заперта в собственном теле, наблюдая за миром глазами человека, которому слишком многое недоступно.

Они выросли под одной крышей, но действительно ли им суждено было жить в одном мире? Пока одна могла уходить, возвращаться, ошибаться и начинать всё заново, другая оставалась на месте. День за днём. Год за годом. Слушая чужие шаги за дверью и, возможно, зная о происходящем гораздо больше, чем кто-либо мог предположить. Но болезнь ли удерживала её в постели? Или существовало нечто, чему нельзя было дать имя?

Иногда самые страшные тайны прячутся не на кладбищах и не в заброшенных домах. Они живут в семейных фотографиях, в недосказанных фразах, в дверях, которые запрещено открывать, и в людях, которые слишком старательно делают вид, будто ничего не произошло.

Эта история — о любви, которая может стать проклятием. О вине, от которой невозможно спрятаться. О памяти, превращающейся в оружие, и о прощении, которое не всегда принадлежит тому, кто его просит.

Возможно, мёртвые действительно хотят покоя. Возможно, они давно готовы отпустить прошлое. Но готовы ли живые отпустить их? И если однажды по ту сторону кто-то вспомнит ваше имя, будет ли это означать, что вас ждут? Или что за вами пришли?

Добро пожаловать в мир, где смерть не всегда означает конец, правда не всегда освобождает, а прощение — не право, которое можно потребовать. Потому что некоторые истории заканчиваются смертью. А некоторые — только начинаются после неё.

«Живые молятся за упокой мёртвых. Но никто никогда не спрашивал, молятся ли мёртвые о покое живых».

Глава 1

Глава первая

Две стороны одной жизни

Говорят, что нет никого ближе семьи. Что бы ни случилось, именно родные люди остаются рядом, когда весь остальной мир отворачивается. Но почему тогда самые глубокие раны чаще всего оставляют те, кому мы доверяем больше всего? В одном доме жили две сестры. Они росли под одной крышей, слышали одни и те же голоса, встречали одни и те же рассветы, но с каждым годом между ними становилось всё больше различий. Не потому, что они не любили друг друга. Просто жизнь с самого начала приготовила для каждой из них свою дорогу. Старшая сестра по имени Мира привыкла к движению. К шуму улиц за окном, к случайным встречам, к разговорам, которые ни к чему не обязывают, и к маленьким радостям, из которых складывается обычная жизнь. Она могла выйти из дома, когда ей вздумается, увидеться с друзьями, почувствовать холодный ветер на лице и вернуться домой, не задумываясь о том, насколько ценны все эти простые вещи. Для неё свобода была чем-то естественным. Настолько привычным, что она редко замечала её присутствие. Младшая сестра Лея знала другую жизнь. С самого раннего детства она была прикована к постели. Пока другие дети учились бегать, падали, разбивали колени и поднимались снова, её мир ограничивался стенами комнаты, видом из окна и шагами, которые она могла различить даже с закрытыми глазами. Она привыкла узнавать время суток по свету, падающему на подоконник, определять настроение домашних по звуку их голосов и замечать то, на что остальные давно перестали обращать внимание. Иногда ей казалось, что она знает этот дом лучше всех. Каждую скрипучую половицу, каждую трещину на потолке, каждый звук, доносящийся из коридора. Она могла часами смотреть на дверь своей комнаты и слушать, как за ней продолжается жизнь, в которой ей самой было отведено слишком мало места. Но было ли её одиночество таким простым, каким казалось окружающим? Этого никто не знал. Да и кто стал бы задавать подобные вопросы девочке, которую с детства привыкли считать слабой и беспомощной? В их доме не было ничего особенного. Обычные комнаты, привычная мебель, семейные фотографии на стенах и воспоминания, которые с годами должны были становиться лишь дорожкой. По крайней мере, именно так думали те, кто не привык искать скрытый смысл в обыденных вещах. Сёстры были частью одной семьи, но каждая по-своему воспринимала мир. Одна смотрела на него глазами человека, у которого впереди ещё целая жизнь. Другая — глазами того, кто слишком рано понял, что жизнь не всегда спрашивает, чего ты хочешь. И всё же между ними существовала связь, которую невозможно было объяснить одним лишь родством. Возможно, это была любовь. Возможно, чувство вины. А возможно, нечто такое, о чём они сами ещё не догадывались. Пока их дни продолжали идти своим чередом, никто не подозревал, что однажды привычный порядок вещей нарушится. Что прошлое, которое казалось давно забытым, может оказаться гораздо ближе, чем настоящее. И что некоторые двери лучше никогда не открывать. Потому что иногда самое страшное начинается не тогда, когда в доме появляется кто-то чужой. А тогда, когда ты понимаешь, что никогда по-настоящему не знал тех, кто жил рядом с тобой. Родители сестёр погибли поздней осенью, в один из тех вечеров, когда небо становилось почти чёрным задолго до наступления ночи, а холодный дождь превращал дороги в бесконечные зеркала. В тот день они уехали из дома ближе к вечеру, предупредив дочерей, что вернутся поздно. Ничего необычного в этом не было. Обычные слова, обычное прощание, обычное обещание позвонить, когда они будут возвращаться. Мира даже не запомнила, во что была одета мама. Не запомнила, что именно отец сказал ей напоследок. Такие мелочи кажутся незначительными, пока однажды не становятся последними воспоминаниями о человеке. Больше она их не увидела. Телефон зазвонил уже ночью. Мира помнила, как стояла

посреди кухни, прижимая трубку к уху, и пыталась понять слова незнакомого мужчины. Он говорил спокойно, слишком спокойно для человека, который сообщал о чужом горе. Спросил, является ли она дочерью двух людей, чьи имена теперь навсегда останутся в её памяти связанными с той ночью. Затем произнёс слово «авария». И мир вокруг словно перестал существовать. Родители погибли на загородной дороге. Их автомобиль обнаружили за пределами проезжей части, возле неглубокого оврага. По первоначальному заключению, водитель потерял управление на мокром асфальте, после чего машина съехала с дороги и получила повреждения, несовместимые с жизнью находившихся внутри людей. На первый взгляд всё выглядело как трагическое стечение обстоятельств. Дождь, тёмная дорога, плохая видимость — достаточно привычных причин, чтобы объяснить чужую смерть и закрыть дело. Но чем больше Мира пыталась узнать о случившемся, тем меньше понимала. На месте аварии не обнаружили следов другого автомобиля. Не нашли ни обломков, ни осколков, ни каких-либо признаков того, что машину могли вытеснить с дороги. Однако повреждения родительского автомобиля вызвали вопросы, на которые никто не спешил отвечать. По словам одного из сотрудников, характер повреждений не совсем соответствовал тому, как обычно выглядели подобные происшествия. Позже эта фраза исчезла из разговоров. В документах осталась только сухая формулировка: потеря управления в сложных погодных условиях. Дело закрыли. Для всех, кроме дочерей. Они не могли понять, почему родители оказались на той дороге именно в тот вечер. Не могли объяснить, почему их маршрут отличался от привычного и почему ни один из них не позвонил домой перед самым возвращением, хотя мама всегда предупреждала о задержках. Но сильнее всего их беспокоила одна деталь. За несколько минут до предполагаемого времени аварии телефон матери перестал передавать сигнал. Это само по себе не казалось чем-то невозможным: на загородных дорогах связь нередко пропадала. Однако последнее сообщение, отправленное с её номера, так и осталось без ответа. В нём было всего три слова: «Она снова здесь». Мира перечитывала их столько раз, что со временем перестала понимать, что именно чувствует. Страх? Растерянность? Или странное, почти болезненное ощущение, что эти слова были адресованы кому-то другому, а не ей. Она пыталась выяснить, кому мама могла написать такое сообщение. Пересматривала переписки, звонила знакомым родителей, задавала вопросы родственникам. Но никто не знал, о ком шла речь. Одни предполагали, что мама могла ошибиться адресатом. Другие советовали Мире перестать искать скрытый смысл там, где его, возможно, не было. В конце концов она осталась с тем, что было написано на бумаге. Две смерти. Автомобильная авария. Потеря управления. Закрытое дело. И три слова, которые не давали ей покоя. «Она снова здесь». Мира не знала, кого имела в виду мама. Не знала, что произошло на той дороге и почему официальное заключение оставило столько вопросов. Тогда она ещё не понимала, что иногда самые страшные тайны начинаются с мелочей, которые никто не считает важными. Она до сих пор помнила тот период. Помнила запах больничных коридоров, чужие голоса, нескончаемые разговоры взрослых и собственное оцепенение, в котором даже слёзы казались чем-то недоступным. Ей нужно было организовать похороны, разобраться с документами, пережить утрату и одновременно убедить всех вокруг, что она справится. Но самым страшным было не это. Самым страшным оказалось осознание того, что её младшую сестру Лею могут забрать. Мира уже достигла совершеннолетия, поэтому вопрос о её собственном устройстве не стоял. Но младшая была ещё ребёнком, нуждавшимся в постоянном уходе и присмотре. Её состояние усложняло ситуацию, а органы опеки не спешили передавать ответственность за неё молодой девушке, которая сама только начинала взрослую жизнь. Мире пришлось доказывать, что она способна стать для сестры не просто родственницей, а полноценным опекуном. Собирать документы, проходить проверки, отвечать на бесконечные вопросы и выслушивать сомнения людей, которые видели перед собой двадцатилетнюю девушку, но не замечали, что у неё уже отняли слишком многое. Она боролась за сестру так, словно от этого зависело всё, что ещё оставалось в её жизни. Потому что так оно и было. В конце концов Мире разрешили взять

младшую под опеку. И с того дня она стала для неё всем сразу: сестрой, защитницей, человеком, который решал бытовые проблемы и принимал решения, от которых зависело их общее будущее.

Лее было четыре года, когда её жизнь изменилась навсегда. До этого дня она росла совершенно обычным ребёнком. Её тело развивалось так, как и должно было развиваться тело здоровой девочки. Она бегала по дому, играла с игрушками, задавала бесконечные вопросы и порой так громко смеялась, что родители невольно улыбались, даже если были заняты своими делами. Мира любила наблюдать за младшей сестрой. Лея казалась ей маленьким чудом, которому всё было интересно. Она могла часами придумывать собственные игры, разговаривать с куклами и обижаться на самые незначительные мелочи, словно каждая из них была настоящей трагедией. Тогда никто из них не задумывался о том, насколько хрупким может оказаться привычный мир. Всё произошло внезапно. В один из обычных дней родители заметили, что с Леей что-то не так. Сначала они решили, что девочка просто устала или плохо себя чувствует. Но вскоре стало ясно: это не было обычным недомоганием. Лея больше не могла двигать ногами. Затем выяснилось, что она не может пошевелить и руками. Её маленькое тело словно перестало слушаться собственных желаний. Она пыталась подняться, тянулась к родителям, старалась объяснить, что с ней происходит, но ничего не получалось. Оставались только слёзы — тяжёлые, беспомощные, отчаянные. Она плакала от страха, потому что не понимала, почему больше не может делать то, что ещё вчера казалось ей самым естественным на свете. Родители немедленно обратились за медицинской помощью. Начались обследования, консультации, анализы и бесконечные поездки из одной больницы в другую. Они цеплялись за каждое предположение врачей, за каждую новую версию, за любую возможность услышать, что происходящее временно и однажды их дочь снова сможет встать с постели. Но дни превращались в недели, недели — в месяцы, а ясного ответа так и не появлялось. Родители возили Лею к лучшим специалистам, обращались в клиники за пределами страны, проходили обследования, на которые уходили все силы, деньги и надежды. Они готовы были отправиться на другой конец света, если бы им сказали, что там смогут помочь их ребёнку. Однако каждый новый врач приносил с собой лишь очередную порцию неопределённости. Кто-то предполагал редкое заболевание. Кто-то говорил о необходимости дополнительных исследований. Другие признавались, что не могут объяснить внезапную потерю двигательных функций. Обследования не давали того ответа, которого так отчаянно ждали родители. Для медицины случай Леи оставался загадкой. Для её семьи — ежедневной болью. Постепенно в доме изменилось всё. Игрушки, которые раньше были разбросаны по комнатам, оказались сложены в коробки. Привычные детские шалости сменились тишиной. Родители научились различать малейшие изменения в состоянии дочери, угадывать её желания по взгляду и выражению лица, замечать тревогу ещё до того, как она начинала плакать. Они больше не строили планов на далёкое будущее. Их мир сузился до одной комнаты, одной кровати и одной надежды — однажды увидеть, как Лея снова сделает хотя бы один самостоятельный шаг. Мира была слишком мала, чтобы понять всё происходящее. Она не знала медицинских терминов, не понимала результатов обследований и не могла объяснить себе, почему взрослые, которые раньше казались ей всесильными, теперь выглядели такими беспомощными. Она лишь видела, как меняются родители. Отец всё чаще молчал. Мать плакала тогда, когда думала, что её никто не видит. А разговоры о будущем постепенно исчезли из дома, словно само это слово стало чем-то запретным. В какой-то момент родители перестали спрашивать, когда их дочь выздоровеет. Они начали спрашивать себя, за что им всё это. Возможно, именно тогда в их сердцах поселилась мысль, от которой они прежде отмахивались: может быть, происходящее было не случайностью, а расплатой за что-то, чего они сами не понимали. Может быть, существует вина, о которой человек забывает, но последствия которой всё равно настигают его близких. Они стали называть это кармой. Не потому, что получили доказательство, а потому, что отчаянно нуждались хоть в каком-то объ-

яснении. Если болезнь нельзя было победить, оставалось попытаться принять её. Так они и жили дальше, учась любить свою дочь в новой реальности, в которой каждый день требовал терпения, а каждая маленькая радость казалась подарком. Но было ли это действительно принятием судьбы? Или всего лишь способом не сойти с ума от мысли, что с их ребёнком произошло нечто, чему никто не смог найти объяснения?

Казалось, они перепробовали всё, что мог предложить современный мир. И всё же оставалось одно чувство, от которого невозможно было избавиться: они чего-то не знали. Именно тогда в их жизни появилась женщина, о которой они прежде слышали лишь по слухам. Её называли видящей. О ней рассказывали по-разному. Одни утверждали, что она помогла найти пропавшего человека, другие говорили, что она предсказала чью-то смерть задолго до трагедии. Были и те, кто считал её обычной обманщицей, умевшей угадывать чужие страхи и зарабатывать на человеческом отчаянии. Один из знакомых родителей посоветовал им обратиться к ней. Сначала они лишь отмахнулись от этой идеи. После всего, что им пришлось пережить, меньше всего хотелось отдавать последние надежды в руки незнакомой женщины, обещавшей увидеть то, чего не видят остальные. Но однажды вечером мать Леи снова не выдержала. Она сидела у кровати дочери, гладила её по волосам и смотрела на маленькие неподвижные руки, которые когда-то тянулись к ней навстречу.

— А если мы просто не там ищем? — тихо спросила она мужа.

Он долго молчал.

На следующее утро они позвонили по номеру, который им дали.

Дом видящей находился на окраине города, вдали от шумных улиц и высоких зданий. Он стоял за старым металлическим забором, окружённый высокими деревьями, ветви которых почти полностью закрывали окна. На первый взгляд это было самое обычное жилище, ничем не отличавшееся от соседних домов, если не считать странного ощущения тишины, которое возникало уже у калитки. Отец вынес Лею из машины на руках. Девочка не могла самостоятельно передвигаться, поэтому мать заранее предупредила женщину об их приезде и объяснила, что дочь тяжело больна.

Дверь открылась ещё до того, как отец успел постучать во второй раз.

На пороге стояла невысокая пожилая женщина с совершенно обычным лицом. В ней не было ничего похожего на тех таинственных фигур, которых родители представляли себе после чужих рассказов. Ни необычной одежды, ни громких слов, ни театральных жестов. Она просто посмотрела на них. Сначала на отца. Затем на мать. А потом её взгляд остановился на девочке. Женщина не спросила, как зовут ребёнка. Не поинтересовалась, что с ней случилось и сколько ей лет. Она лишь отступила в сторону, пропуская гостей внутрь.

Долго же вы её искали, — произнесла она.

Мать насторожилась.

— Кого?

Женщина ничего не ответила.

В комнате пахло сушёными травами, старой древесиной и чем-то едва уловимым, напоминавшим запах дождя перед грозой. На стенах висели старые фотографии, а на столе стояли несколько свечей, хотя за окном был ясный день. Всё это казалось родителям частью тщательно продуманного представления, призванного произвести впечатление на доверчивых посетителей.

Они переглянулись. Отец едва заметно нахмурился.

Женщина указала на кресло и попросила положить Лею рядом с собой.

Несколько секунд она молча смотрела на девочку. Затем медленно протянула руку, но остановилась, так и не прикоснувшись к её лбу.

— Сколько ей было, когда это началось? — спросила она.

— Четыре года, — ответила мать. — До этого она была совершенно здоровой. Всё случилось внезапно. Она просто перестала двигаться. Врачи ничего не могут понять.

— А до этого вы замечали за ней что-нибудь необычное?

Отец покачал головой.

— Она была обычным ребёнком.

Женщина перевела взгляд на мать.

— Вы уверены?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что та не сразу нашлась с ответом.

Она попыталась вспомнить раннее детство Леи, её первые движения, первые слова, первые ночи после рождения. Ничего такого, что можно было бы назвать сверхъестественным, в памяти не возникало. По крайней мере, ничего, чему она тогда придала бы значение.

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

Видящая наконец коснулась пальцами запястья девочки. Её лицо не изменилось, но взгляд стал каким-то отсутствующим, словно она смотрела не на ребёнка перед собой, а сквозь него — в пространство, недоступное остальным.

— Она пришла не одна, — тихо произнесла женщина.

Отец нахмурился.

— Простите?

— Ваша дочь. Она пришла в этот мир не одна.

В комнате стало тихо.

Мать первой нарушила молчание:

— Вы хотите сказать, что у неё есть брат или сестра?

Женщина медленно покачала головой.

— Нет. Я говорю о том, что было с ней ещё до того, как она впервые открыла глаза.

Она посмотрела на мать Леи, и в этом взгляде впервые появилось что-то похожее на тревогу.

— Вы помните, что чувствовали во время беременности?

Мать растерялась.

— Конечно. Я боялась родов, переживала за ребёнка. Как и любая женщина.

— Нет, — перебила её видящая. — Я не об этом.

Она на мгновение закрыла глаза.

— Были ночи, когда вы просыпались и чувствовали, что в комнате кто-то есть. Вы списывали это на усталость. Были моменты, когда вам казалось, что ребёнок внутри вас реагирует на что-то, чего вы сами не слышите. И однажды вы почувствовали такой страх, что не смогли объяснить его даже самой себе.

Мать побледнела.

Она действительно помнила одну ночь. Всего одну, которую много лет считала странным сном. Тогда, ещё во время беременности, ей показалось, что кто-то произнёс её имя совсем рядом. Она проснулась, включила свет и никого не увидела. Утром она забыла об этом, решив, что всё произошло из-за усталости. Но об этом она никогда никому не рассказывала. Даже мужу.

— Откуда вы... — начала она.

— Неважно, — ответила женщина. — Важно другое. Некоторые дети рождаются с тем, чего не умеют объяснять даже те, кто привык объяснять всё на свете.

Отец Леи усмехнулся, хотя в его голосе не было веселья.

— И что же именно есть у нашей дочери?

Видящая снова посмотрела на девочку.

— Она чувствует то, чего не чувствуют другие. Слышит то, что для остальных остаётся тишиной. И видит то, на что живому человеку не всегда следует смотреть.

Мать крепче прижала руку дочери к своей ладони.

— Вы хотите сказать, что она видит призраков?

— Я ничего подобного не говорила.

— Тогда объясните нам, что с ней происходит! — Голос матери дрогнул. — Мы были у лучших врачей. Мы объездили полмира. Никто не может сказать, почему наш ребёнок больше не двигается. Если вы действительно что-то знаете, скажите прямо!

Женщина впервые отвела взгляд.

— Я не знаю, почему её тело перестало слушаться. И не стану лгать вам, будто могу это исправить.

На мгновение родители замолчали.

Они ожидали услышать что угодно: обещание исцеления, объяснение болезни, хотя бы очередную версию, за которую можно было бы ухватиться. Но не это.

— Тогда зачем мы здесь? — спросил отец.

Видящая посмотрела на него с неожиданной строгостью.

— Потому что вы ищете болезнь, а должны понять, кого вы привели в этот мир.

Она снова склонилась над Леей. Девочка лежала неподвижно, глядя на женщину широко раскрытыми глазами. И вдруг её пальцы едва заметно дрогнули.

Мать замерла.

— Вы видели? — прошептала она.

Отец тоже посмотрел на руку дочери.

Но движение больше не повторилось.

Видящая отступила на шаг.

— Вот поэтому вы и не должны торопиться с выводами, — сказала она. — То, что спит, не всегда мертво. А то, что однажды проснулось, не всегда можно заставить уснуть снова.

Отец поднялся с места.

— Достаточно. Мы пришли сюда за помощью, а не за загадками.

Женщина не стала спорить. Она лишь посмотрела на родителей так, словно заранее знала, что они уйдут именно с такими словами.

У самой двери мать всё-таки обернулась.

— Скажите хотя бы одно. Наша дочь когда-нибудь сможет выздороветь?

Видящая долго молчала.

— Я не могу обещать вам, что её тело станет прежним. Но однажды вы поймёте, что всё это время задавали не тот вопрос.

— А какой вопрос мы должны задавать?

Женщина посмотрела прямо ей в глаза.

— Не что случилось с вашей дочерью. А что случилось с тем, что пришло вместе с ней.

После этих слов родители больше ничего не спросили. Они уехали, решив, что женщина оказалась такой же, как многие другие: она умело подмечала чужие страхи, угадывала детали и облекала догадки в красивые слова. Возможно, случайное совпадение с воспоминанием матери лишь сделало её представление убедительнее. По дороге домой отец сказал, что больше не позволит никому наживаться на их горе. Мать молчала, глядя в окно. К вечеру она уже убеждала себя, что та странная ночь во время беременности ничего не значила. Вскоре они перестали вспоминать о визите. Жизнь продолжилась. Лея по-прежнему оставалась прикованной к постели, врачи по-прежнему не могли поставить точный диагноз, а родители постепенно научились жить с тем, чему не находили объяснения. Слова видящей растворились среди повседневных забот и бесконечных попыток помочь дочери. Они решили, что встретили обыкновенную шарлатанку. И ошиблись лишь в одном. В тот день они забыли не предупреждение. Они забыли, что кто-то однажды посмотрел на их дочь и увидел в ней не больного ребёнка.

Глава 2

Глава вторая

После них

После смерти родителей дом не опустел. Он просто перестал быть домом. Всё осталось на своих местах: мамины чашки в кухонном шкафу, отцовская куртка на вешалке, старые фотографии в рамках и часы в гостиной, которые каждую минуту напоминали о том, что время не умеет останавливаться даже тогда, когда твой мир рушится. Только голосов больше не было. Никто не спрашивал, как прошёл день. Никто не звал к столу. Никто не смеялся на кухне и не спорил из-за пустяков. Иногда Мира ловила себя на том, что прислушивается к звуку машины за окном, надеясь услышать знакомые шаги на лестнице. А потом вспоминала. И каждый раз это было так, будто ей снова сообщали о смерти родителей. Она не плакала на похоронах. Не потому, что была сильной. Просто в тот день внутри неё словно что-то оборвалось. Слёзы не шли, слова застревали в горле, а люди вокруг говорили ей какие-то бессмысленные вещи о том, что нужно держаться, что время лечит и что теперь она должна быть сильной ради младшей сестры. Мира ненавидела эти слова. Особенно последнее. Будто кто-то имел право решать за неё, сколько боли она должна выдержать. Но у неё действительно не было выбора. У неё была Лея. И пока все остальные обсуждали похороны, выражали соболезнования и постепенно возвращались к своим привычным жизням, Мира пыталась понять, как теперь жить им двоим. Первые недели слились в бесконечную череду бумаг, звонков и чужих кабинетов. Ей объясняли, что она слишком молода, что ей предстоит доказать свою готовность взять на себя ответственность, что одного желания недостаточно.

— Это моя сестра, — повторяла Мира.

Ей задавали вопросы о доходах, жилье, работе и будущем. Спрашивали, понимает ли она, насколько тяжело будет ухаживать за человеком, который не может самостоятельно двигаться. Говорили о возможных учреждениях, специалистах и условиях, которые могли бы обеспечить Леи необходимый уход. Мира слушала молча. А потом каждый раз отвечала одно и то же:

— Лея останется со мной.

Она не знала, откуда брала силы. Иногда возвращалась домой настолько уставшей, что едва снимала обувь. Иногда сидела на полу в ванной, прижав ладонь ко рту, чтобы сестра не услышала, как она плачет. А утром снова вставала, умывалась холодной водой и продолжала бороться. Не за наследство. Не за родительский дом. За единственного человека, который остался у неё на этом свете. Когда опеку наконец удалось оформить, Мира впервые за долгое время позволила себе выдохнуть. Она помнила тот день до мелочей. Серое небо за окном, холодный чай на столе, папку с документами, которую она несколько раз проверила, прежде чем убрать в шкаф. А потом она подошла к Леи. Младшая сестра лежала в своей кровати и смотрела на неё большими глазами. Мира присела рядом, осторожно убрала прядь волос с её лба и попыталась улыбнуться.

— Ну вот, мелкая. Теперь официально никуда от меня не денешься.

Она хотела сказать это весело. Хотела, чтобы Лея улыбнулась в ответ, чтобы хоть на мгновение всё стало как прежде. Но голос предательски дрогнул. Мира опустила голову и прижалась лбом к руке сестры.

— Я тебя не оставлю, слышишь? Что бы ни случилось, я всегда буду рядом.

Лея не могла обнять её. Не могла сжать её ладонь или вытереть слёзы с её лица. Но она смотрела на Миру так внимательно, словно понимала каждое слово. И Мира решила, что этого достаточно. Что теперь они справятся. Что самое страшное уже позади.

Жизнь постепенно обросла новым распорядком. Мира научилась различать малейшие изменения в состоянии Леи, запоминать назначения врачей, следить за процедурами и организовывать уход так, чтобы сестре было максимально комфортно. Она изучала всё, что могло помочь, задавала специалистам вопросы, искала новые способы облегчить Лее жизнь. Она научилась готовить так, чтобы еда всегда была под рукой. Научилась засыпать, прислушиваясь к каждому звуку из соседней комнаты. Научилась улыбаться, даже когда хотелось закрыть глаза и исчезнуть хотя бы на один день. Но сложнее всего оказалось научиться не показывать страх. Потому что иногда, глядя на Лею, Мира задавалась вопросом, который боялась произнести вслух. Что будет, когда её собственных сил не хватит? Она отгоняла эту мысль. Стыдилась её. Убеждала себя, что у неё нет права уставать, злиться или жалеть о той жизни, которая могла бы у неё быть. Ведь Лея ни в чём не виновата. И всё же по ночам, когда дом погружался в тишину, Мира позволяла себе быть просто человеком. Она скучала по родителям. По маминному голосу, по отцовским шуткам, по вечерам, когда можно было прийти домой и не думать ни о чём, кроме завтрашних планов. Прошло время. Люди перестали приносить соболезнования, знакомые всё реже спрашивали, как они справляются, а мир вокруг окончательно вернулся к своей обычной жизни. По вечерам у сестёр была своя маленькая традиция — пить чай вдвоём. Мира устраивалась рядом с Леей и, обхватив ладонями тёплую чашку, рассказывала о том, как прошёл её день. Делилась мелочами, жаловалась на усталость, вспоминала забавные случаи и иногда рассказывала о людях, которых встретила. Она говорила обо всём, словно Лея могла ответить ей в любой момент и между ними ничего не изменилось. Лея внимательно слушала, не сводя с сестры глаз. Иногда едва заметно кивала, иногда хлопала длинными ресницами, будто старалась показать, что понимает каждое слово. Порой ей удавалось произнести несколько слов, но речь давалась с большим трудом. Слова выходили отрывистыми, невнятными, словно каждый звук требовал от неё невероятных усилий. Мира никогда не торопила её и не пыталась угадать ответ раньше времени. Она терпеливо ждала, улыбаясь так, будто даже самое короткое слово было для неё настоящим подарком.

— Ну что, сестричка, пора спать, — нежно сказала Мира, отставляя чашку и поправляя подушку под головой Леи.

Она осторожно укрыла сестру лёгким одеялом, расправила его края и убрала с её лица непослушную прядь волос.

— А завтра к тебе придёт репетитор. Позанимаешься с ним, хорошо? — Мира ласково улыбнулась. — А вечером я расскажу тебе, что у меня нового.

Она наклонилась и поцеловала Лею в лоб.

— Спокойной ночи, моя хорошая.

Лея едва заметно кивнула. Мира ещё несколько секунд смотрела на неё, запоминая спокойное выражение её лица, а затем потянулась к выключателю. Комната погрузилась в мягкий полумрак, и лишь тонкая полоска света из коридора легла на край кровати. Уже у двери Мира обернулась.

— Я рядом. Если что-нибудь понадобится, позови меня.

Мира тихо прикрыла за собой дверь. Лея осталась одна. Несколько минут она неподвижно смотрела в потолок, прислушиваясь к удаляющимся шагам сестры. Затем из соседней комнаты донёсся негромкий звук: Мира что-то напевала себе под нос, убирая со стола чашки. Обычный вечер. Самый обыкновенный вечер, каких в её жизни были тысячи. И именно это злило Лею больше всего. Мира могла ходить. Могла стоять, наклоняться, тянуться к верхним полкам, выходить из дома, когда ей хотелось. Могла споткнуться, рассмеяться, пробежать по лестнице или просто пройти из одной комнаты в другую, даже не задумываясь о том, какое чудо скрывается в этом простом движении. А Лея не могла даже поднять руку, чтобы самостоятельно поправить одеяло. Иногда ей казалось, что весь мир был создан для людей, которые умели ходить. Люди спешили по улицам, переходили дороги, поднимались по лестницам, тан-

цевали под музыку, обнимались, держась друг за друга. Они падали и снова вставали. Жалели о потерянных днях, торопились жить, жаловались на усталость и мечтали об отдыхе. А Лея мечтала хотя бы однажды самостоятельно сесть на край кровати. Она ненавидела врачей за их бесильные взгляды. Ненавидела бесконечные обследования, разговоры шёпотом и осторожные слова, которыми взрослые пытались скрыть от неё правду. Но сильнее всего она ненавидела собственное тело. Оно словно принадлежало кому-то другому. Оно не слушалось её, не отвечало на приказы, не позволяло сделать даже малейшее движение. Лея могла сколько угодно мысленно кричать ему, требовать, умолять — ничего не менялось. И от этого внутри неё разрасталось нечто тёмное. Сначала это была обычная обида. Потом — зависть, которую она стыдилась даже самой себе признать. А со временем обида стала превращаться в злость. Особенно сильно Лея злилась на Миру. Не потому, что сестра делала что-то плохое. Напротив, Мира была единственным человеком, который никогда не заставлял её чувствовать себя обузой. Она кормила Лею, помогала ей, разговаривала с ней часами и каждый вечер целовала в лоб, желая спокойной ночи. Мира отдавала ей всё, что могла. Но всё равно Леи иногда хотелось, чтобы сестра перестала быть такой доброй. Чтобы хотя бы раз Мира тоже не смогла встать с кровати. Чтобы она хотя бы на один день почувствовала, каково это — хотеть подойти к окну и не иметь возможности. Хотеть обнять человека и не суметь протянуть к нему руки. Лея тут же пугалась собственных мыслей. Она любила сестру. Правда, любила. Но разве любовь могла отменить ненависть, которая появлялась всякий раз, когда Мира легко поднималась на ноги? По щеке Леи медленно скатилась слеза. Она хотела вытереть её сама. Не смогла. И тогда Лея впервые за долгое время попыталась закричать. Из горла вырвался лишь сдавленный, невнятный звук, который утонул в тишине комнаты. Никто не пришёл. Никто не услышал. Лея закрыла глаза, стиснув зубы. Если бы она могла двигаться, если бы могла хотя бы однажды почувствовать себя такой же, как все остальные... Она не знала, кого бы обняла первым. И не знала, кого ненавидела бы сильнее всего. Но где-то глубоко внутри неё, в том месте, куда не могли добраться ни врачи, ни лекарства, ни утешительные слова сестры, медленно зарождалась мысль, которой ей самой ещё предстояло испугаться. Почему именно она? Почему ей досталась такая жизнь? И если кто-то однажды решил, что она должна страдать, то почему этот кто-то до сих пор оставался безнаказанным? И если кто-то однажды решил, что она должна страдать, то почему этот кто-то до сих пор оставался безнаказанным? На следующий день Мира ненадолго оставила Лею одну в комнате. За окном моросил дождь. Люди спешили по тротуару, прятались под зонтами, перебежали дорогу и недовольно смотрели на серое небо. Кто-то смеялся, кто-то разговаривал по телефону, а маленькая девочка в жёлтом плаще прыгала через лужи, пока мать пыталась уговорить её идти быстрее. Лея наблюдала за ними молча. Как же легко они двигались. Как будто даже не замечали того, что могли делать. Она отвела взгляд от окна, чувствуя, как внутри поднимается знакомое раздражение. Ей хотелось перестать смотреть на чужую жизнь, в которой для неё самой будто не осталось места. В этот момент с кухни донёсся звон посуды. Мира снова что-то напевала себе под нос. Лея закрыла глаза. — *Хоть бы на минуту они все оказались на моём месте.* Мысль возникла внезапно. Лея тут же открыла глаза и испуганно посмотрела на дверь, словно кто-то мог услышать её. Она никогда прежде не желала никому ничего плохого. По крайней мере, не настолько сильно.

В тот же вечер случилось первое странное происшествие. Мира вернулась домой позже обычного. Она выглядела уставшей, но, едва переступив порог комнаты Леи, улыбнулась.

— Ну что, как ты тут без меня? Не успела соскучиться?

Лея попыталась улыбнуться в ответ.

Мира поставила сумку на стул и подошла к окну, чтобы задвинуть шторы. За стеклом уже стемнело, и мокрая улица отражала тусклый свет фонарей.

— Представляешь, сегодня чуть не опоздала на автобус, — начала рассказывать она, поправляя занавеску. — Побежала через дорогу, а там какой-то мужчина прямо посреди пере-

хода остановился. Водитель едва успел затормозить. Я до сих пор не понимаю, как он его не сбил.

Лея смотрела на сестру.

— Ладно, не будем о неприятном. — Мира повернулась к ней. — Завтра постараюсь вернуться пораньше. Может, посмотрим что-нибудь вместе?

Лея едва заметно кивнула.

Она хотела сказать сестре, что устала. Что ей надоело каждый день лежать в одной и той же комнате. Что иногда ей хочется кричать так громко, чтобы весь мир наконец обратил на неё внимание. Но из горла вырвался только тихий, невнятный звук.

Мира ласково погладила её по голове.

— Я понимаю, маленькая. Всё хорошо.

Именно эти слова почему-то разозлили Лею.

Нет. Ничего не хорошо.

Она отвернулась к окну.

И вдруг вспомнила мужчину, о котором рассказывала Мира.

Почему он может ходить, а я нет?

На мгновение в голове возникла совершенно ясная картина: мокрая дорога, свет фар, мужчина посреди перехода. И машина, которая не успевает затормозить. Лея моргнула. Картинка исчезла. Она испугалась собственной фантазии и попыталась думать о другом. О сестре, о завтрашнем дне, о чём угодно, лишь бы не возвращаться к этой мысли. Но через несколько минут в коридоре зазвонил телефон. Мира вышла ответить. Сначала Лея слышала лишь приглушённые слова. Потом голос сестры резко изменился.

— Что значит, сбила машина?

Наступила пауза.

— Где это произошло?

Ещё одна пауза. Долгая, пугающая.

— Он жив? Скажите, пожалуйста, что он жив...

Лея перестала дышать.

Мира стояла в коридоре, прижав телефон к уху. Её лицо побледнело, а свободная рука нервно сжимала край дверного проёма.

— Господи... Я ведь совсем недавно проходила там.

Она выслушала собеседника и медленно опустила руку.

Когда Мира вернулась в комнату, она выглядела так, словно за несколько минут постарела на несколько лет.

— Тот мужчина... — тихо произнесла она. — Его сбила машина. Прямо на пешеходном переходе.

Лея смотрела на сестру широко раскрытыми глазами.

— Мой друг говорит, что мужчина будто замер посреди дороги. Даже не попытался отойти. Врачи уже приехали, но...

Мира не договорила. Она подошла к кровати и села рядом с Леей, не замечая, как сильно дрожат её пальцы.

— Какой ужас. Просто ужас...

Лея не слышала последних слов. В её голове снова и снова повторялась одна мысль.

Он не мог отойти.

Она вспомнила собственное желание. Вспомнила картину, возникшую перед глазами, и тот странный, почти неуловимый момент, когда ей показалось, будто всё уже произошло. Она ведь просто подумала о нём. Просто разозлилась. Она ничего не делала, ничего не могла сделать. И всё же страх, медленно расползавшийся внутри неё, был слишком сильным, чтобы отмахнуться от него. Лея попыталась позвать сестру, но смогла выдать лишь невнятный звук.

— Что, милая? — Мира сразу повернулась к ней. — Тебе плохо?

Лея отчаянно замотала головой. Она почувствовала, что между её мыслями и тем, что происходило в мире, существовала связь.

Ночью Лея долго не могла уснуть. Она пыталась убедить себя, что всё случившееся — совпадение. Мужчина мог оступиться, водитель мог отвлечься, дорога была мокрой. В мире ежедневно происходили тысячи несчастных случаев, и ни один из них не требовал мистического объяснения. Но стоило ей закрыть глаза, как она снова видела тот переход. И мужчину, который не мог сдвинуться с места.

— *А если это была я?*

Мысль заставила её похолодеть. Лея хотела позвать Миру, но остановилась. Что она могла ей сказать? Что ей показалось, будто она пожелала человеку беды, а потом эта беда действительно случилась? Сестра испугается. Возможно, решит, что Лея становится хуже. Лея повернула голову к окну. За стеклом качались голые ветви дерева, отбрасывая на стену длинные тени. И тогда она услышала голос. Тихий, почти ласковый.

Ты ведь не хотела, чтобы он умер.

Лея замерла. Голос прозвучал так отчётливо, словно кто-то лежал рядом с ней и шептал прямо на ухо. Она попыталась повернуть голову, посмотреть на дверь, но не смогла. В комнате никого не было.

— Кто здесь? — попыталась произнести она.

Из горла вырвался только хриплый звук. Несколько секунд стояла тишина. Затем голос ответил:

— *Не бойся. Ты просто наконец-то перестала быть бессильной.*

Лея почувствовала, как по её щекам потекли слёзы. Она не знала, кто с ней говорил. Не знала, что произошло с тем мужчиной. И не знала, почему какая-то часть её самой, несмотря на весь ужас, испытывала странное, пугающее облегчение. Ведь впервые в жизни мир, казалось, отреагировал на её боль. А голос, словно угадав её мысли, тихо добавил:

— Представь, что будет, когда ты научишься делать это по-настоящему.

После этих слов всё стихло. Но Лея больше не чувствовала себя одинокой в своей комнате. И впервые за все эти годы одиночество показалось ей куда менее страшным, чем то, что могло скрываться внутри неё. Она не понимала, разговаривала ли с ней чья-то душа, незнакомый человек или её собственное воображение. Возможно, усталость и одиночество наконец заставили её разум сыграть с ней злую шутку. Лея хотела поверить именно в это. Так было бы проще. Она медленно закрыла глаза, стараясь забыть услышанное. Но стоило ей вспомнить голос, как внутри снова возникало странное ощущение — будто кто-то не ушёл, а просто затаился, ожидая подходящего момента. Вскоре в коридоре раздались шаги.

— Ты не спишь? — позвала Мира из-за двери.

Лея вздрогнула и открыла глаза.

— Я сейчас принесу тебе воды, хорошо?

Сестра попыталась ответить, но смогла лишь тихо промычать.

— Сейчас, милая.

Шаги удалились. Лея снова осталась одна. Станные мысли вернулись. Сначала они появлялись лишь на мгновение, едва заметными вспышками, которые Лея старалась прогнать. Но теперь всё стало иначе. Мысли возникали одна за другой, путались, накладывались друг на друга, и с каждой минутой ей становилось всё труднее понять, какие из них действительно принадлежали ей. Порой ей казалось, будто собственное сознание больше ей не подчиняется. Словно кто-то незаметно проник в её разум и теперь медленно отбирал то небольшое, что у неё ещё оставалось.

Тебе ведь всю жизнь приходится смотреть на людей, которые могут ходить.

Лея замерла.

Смотреть, как они бегают, смеются, гуляют, обнимают друг друга. Как легко они двигаются, даже не задумываясь о том, какое счастье им досталось.

Она попыталась отвлечься, но следующая мысль оказалась ещё страшнее.

Тебе никогда не хотелось, чтобы они все исчезли? Чтобы никто больше не мог ходить? Чтобы хоть кто-нибудь почувствовал то, что чувствуешь ты?

— Нет... — едва слышно выдохнула Лея.

В её голове словно разгорелась невидимая борьба. Одна часть сознания испуганно отталкивала жестокие желания, напоминая, что она не хочет никому причинять боль. Другая же настойчиво шептала, что люди не заслуживают жалости, что мир никогда не был к ней справедлив и что она имеет право ненавидеть его за всё, чего была лишена. Добро и зло переплелись, теряя свои очертания. Лея больше не понимала, где заканчивается её собственная обида и начинается нечто чужое. Всё вокруг словно затянуло туманом. Она хотела думать о чём-то хорошем, вспомнить улыбку Миры, их вечерние чаепития, тихие разговоры перед сном. Но даже эти воспоминания теперь казались далёкими, будто принадлежали другой девочке — той, которой она когда-то была.

— Эй, милая?

Голос Миры вырвал её из тяжёлого оцепенения.

Старшая сестра подошла к кровати с кружкой тёплой воды. Осторожно приподняв Лею, она помогла ей сделать несколько глотков, придерживая кружку обеими руками.

— Вот так, не спеши.

Лея послушно глотнула воды, но продолжала смотреть куда-то перед собой. Мира сразу заметила её странное состояние.

— Лея, тебя что-то беспокоит? — мягко спросила она. — Может, что-нибудь болит?

Она поставила кружку на тумбочку и ласково погладила сестру по макушке.

— Ты мне скажи, хорошо? Не бойся. Я тебя пойму.

В её голосе было столько заботы, что Леи на мгновение захотелось разрыдаться. Ей хотелось рассказать всё: о странных мыслях, о пугающих желаниях, о том ощущении, будто она больше не принадлежит самой себе. Как признаться человеку, который всю жизнь старался защитить тебя, что иногда тебе хочется ненавидеть весь мир — даже тех, кого ты любишь? Лея посмотрела на сестру. На её добрые глаза, усталое лицо и руку, которая нежно гладила её волосы.

Скажи ей.

Эта мысль прозвучала иначе. Тихо, почти ласково.

Расскажи ей всё. Пусть она узнает.

Лея едва заметно открыла рот, собираясь произнести хоть слово. Но следом в голове раздался другой голос:

Она не поймёт. Никто тебя не поймёт.

Лея вздрогнула.

— Лея? — Мира обеспокоенно наклонилась к ней. — Что случилось?

Девочка судорожно сглотнула и отвела взгляд. Она не смогла ответить. Мира прижала её к себе настолько осторожно, насколько позволяли неподвижные руки сестры, и поцеловала её в висок.

— Всё хорошо, родная. Я рядом.

Лея закрыла глаза. Ей отчаянно хотелось поверить этим словам. Но вдруг внутри Леи что-то изменилось. Нежные прикосновения Миры, её тихий голос, бесконечная забота — всё это внезапно стало невыносимым. В груди словно вспыхнуло пламя, разгораясь с каждой секундой. Лея почувствовала, как её захлёстывает ярость — горячая, удушающая, совершенно чужая. Она смотрела на сестру и не понимала, что с ней происходит. Ещё мгновение назад ей хоте-

лось прижаться к Мире, рассказать обо всём, что творилось у неё внутри, почувствовать себя защищённой. Но теперь каждое слово сестры раздражало её, а прикосновение казалось почти оскорбительным.

Посмотри на неё. Она может ходить. Может уйти, когда захочет. Может жить.

А ты?

Лея судорожно вдохнула.

— Лей, милая, что с тобой? — Мира обеспокоенно заглянула ей в лицо. — Ты меня слышишь?

Она попыталась поправить одеяло, но Лея резко дёрнулась, насколько позволяли её возможности, и издала громкий, сдавленный звук.

— М-м-м... уй... д... про... вали...

Мира замерла.

— Что?..

Лея напряглась всем телом, пытаясь выдать из себя слова, которые никак не желали складываться в предложения.

— Уй... ди... Про... вали!

Последнее слово прозвучало особенно отчётливо.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина.

Мира медленно убрала руку с головы сестры. Она смотрела на Лею с таким изумлением, словно не узнавала её.

— Лея... ты хочешь, чтобы я ушла?

В её голосе не было ни злости, ни упрёка. Только растерянность и боль, которую она пыталась скрыть. Лея хотела кивнуть. Хотела закричать, чтобы Мира наконец оставила её в покое. Но где-то глубоко внутри всё ещё оставалась та часть её самой, которая отчаянно цеплялась за сестру и боялась увидеть, как та действительно уходит.

Нет. Не уходи.

Эта мысль мелькнула в сознании, но почти сразу утонула в новой волне гнева.

Пусть уйдёт. Пусть все уйдут.

— Хорошо, — едва слышно произнесла Мира.

Она поднялась с кровати и поправила сбившееся одеяло.

— Я буду в соседней комнате. Если тебе что-нибудь понадобится, позови меня, ладно?

Лея отвернулась к стене.

Мира ещё немного постояла рядом, словно надеялась, что сестра передумает, скажет хоть что-нибудь, даст понять, что всё это было случайностью. Но Лея молчала. Тогда Мира тихо вышла и прикрыла за собой дверь. И только когда шаги сестры стихли в коридоре, Лея поняла, что натворила. Она хотела, чтобы Мира осталась. Хотела, чтобы та снова подошла к ней, погладила по голове и сказала, что всё будет хорошо. Но вместо этого сама прогнала её. По щеке скатилась слеза.

Что со мной происходит?

Ответа не было. Лея попыталась успокоиться, но сердце продолжало бешено колотиться. Ей казалось, что гнев никуда не исчез — он лишь затаился внутри, ожидая следующего повода вырваться наружу. Лея ещё долго смотрела на закрытую дверь, за которой исчезла сестра. Ей хотелось позвать Миру, попросить прощения, сказать, что она не хотела её обидеть. Но слова застряли где-то глубоко внутри, словно кто-то невидимый крепко сжал её горло. Она ненавидела себя за то, что сделала. Ненавидела свою беспомощность. И больше всего — те странные мысли, которые с каждым днём становились всё настойчивее. В комнате было тихо. Слишком тихо. Лея перевела взгляд на окно, за которым уже сгущались сумерки. Стекло отражало бледный свет лампы, очертания кровати и неподвижную фигуру девушки под одеялом. Всё было привычным. Всё было на своих местах. И всё же ей казалось, что в комнате кто-то есть. Лея

медленно повернула голову. Сначала она ничего не заметила. Только тёмный угол между шкафом и стеной, куда почти не попадал свет. Там всегда было мрачно, но сейчас эта темнота казалась какой-то другой — густой, глубокой, словно свет просто отказывался к ней приближаться. Лея прищурилась. В углу что-то стояло. Она замерла. Это была человеческая фигура. Высокая, худощавая, почти сливающаяся с темнотой. Лица разглядеть не удавалось, но Лея почему-то была уверена: незнакомец смотрит прямо на неё. Она попыталась позвать Миру.

— М... Ми...

Из горла вырвался лишь слабый, хриплый звук. Фигура не двигалась. Лея судорожно моргнула, надеясь, что усталость сыграла с ней злую шутку. Но когда она снова посмотрела в угол, незнакомец всё ещё был там. И тогда в голове раздался знакомый голос.

— *Не бойся.*

Лея почувствовала, как по коже пробежал холод. Это был тот же голос. Тот самый, который она слышала раньше.

— *Ты ведь сама хотела, чтобы кто-нибудь наконец тебя услышал.*

Лея изо всех сил зажмурилась. Ей хотелось закричать, позвать сестру, заставить этот голос замолчать. Но она боялась даже пошевелиться.

— Кто... ты?.. — едва слышно выдохнула она.

Ответа не последовало. Лишь спустя несколько секунд Лея решилась открыть глаза. Угол был пуст. Она долго смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Потом перевела глаза на зеркало, висевшее напротив кровати. В отражении была её комната. Кровать. Шкаф. Приоткрытая штора. И она сама. Но за её плечом, там, где в действительности находилась пустая стена, стоял кто-то ещё. В зеркале незнакомец медленно наклонил голову, словно пытался рассмотреть её получше. Затем поднял руку и приложил палец к губам.

Тише.

Лея почувствовала, как глаза наполняются слезами. И тогда отражение улыбнулось.

— Лея? — вдруг донёсся из-за двери голос Миры.

Незнакомец исчез. В зеркале снова осталась только она — испуганная, бледная, с широко раскрытыми глазами. Лея попыталась ответить сестре, но не смогла выдать ни звука. Мира тихонько постучала.

— Сестрёнка, я войду?

Лея продолжала смотреть в зеркало.

Она боялась повернуть голову. Боялась, что незнакомец всё ещё стоит за её спиной. Но страшнее всего было другое: где-то глубоко внутри она чувствовала, что уже встречалась с ним. Не сегодня. Не вчера. Гораздо раньше. И прежде чем Мира успела открыть дверь, в голове Леи прозвучал последний шёпот:

— *Не рассказывай ей. Она не должна знать, что я вернулся.*

Лея резко зажмурилась. А когда снова открыла глаза, в зеркале на мгновение мелькнуло чужое лицо — слишком бледное, с неподвижными глазами. Затем исчезло и оно. В комнате снова стало тихо. Но теперь Лея знала: она больше не одна.